
18+
ПОПАДАНЕЦ
1941. МОСКВА
ЗА НАМИ
ВЯЧЕСЛАВ ГОТ

Вячеслав Гот

Попаданец 1941. Москва за нами

«Издательские решения»

Гот В.

Попаданец 1941. Москва за нами / В. Гот — «Издательские решения»,

Октябрь 1941 года. Немецкие войска рвутся к Москве. Ещё немного — и столица окажется под угрозой.Но в этом мире появился человек, который знает будущее. Он не должен был оказаться здесь, среди обречённых окружений, горящих деревень и отступающих частей Красной армии. Однако теперь у него есть шанс изменить ход войны.Каждый неверный шаг может стоить сотен жизней. Враг уже близко. Времени почти не осталось.Москва за нами. И отступать некуда.

© Гот В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Воронка времени 6
Глава 2. Чужой среди своих 13
Глава 3. Свидетель обвинения 21
Глава 4. Отсрочка 27
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Попаданец 1941. Москва за нами

Вячеслав Гот

© Вячеслав Гот, 2026

ISBN 978-5-0071-5694-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Воронка времени

Сначала был звук.

Не взрыв, не крик, не гул самолётов — а низкий, вибрирующий гул, будто где-то в глубине земли включился огромный трансформатор. Он заполнил всё: череп, грудную клетку, кости. А потом мир вывернулся наизнанку.

Алексей не успел даже закричать.

Ещё секунду назад он стоял в подвале заброшенного института на окраине Твери — точнее, того, что осталось от института после девяностых. Держал в руках странный артефакт, найденный в архиве: металлический цилиндр с гравировкой, покрытый слоем пыли и плесени. Аспирант-историк, он приехал сюда, чтобы описать фонды для диссертации. Ничего мистического. Обычная наука.

А потом цилиндр нагрелся. И мир исчез.

Он очнулся от холода.

Не осеннего, не промозглого — а злого, пронизывающего, будто кто-то засунул его в морозильную камеру и забыл закрыть дверь. Алексей лежал лицом в грязи. Настоящей, жирной, чёрной грязи, перемешанной с чем-то, что пахло… железом и дымом.

Он приподнял голову.

Первое, что увидел — колесо. Огромное, облепленное грязью, с погнутыми спицами. Колесо телеги. Рядом — копыта. Живые, настоящие копыта, и над ними — круп лошади, покрытый грязной попоной.

— Живой? — раздался голос сверху.

Алексей перевернулся на спину. Над ним стоял мужчина в шинели. Серой, выцветшей, с петлицами, которые Алексей видел только на фотографиях в учебниках. На голове — пилотка. Лицо — обветренное, усталое, с глубокими морщинами у глаз. Возраст — не определить: может, тридцать, может, пятьдесят.

— Живой, — прохрипел Алексей. Горло пересохло так, будто он наглотался песка.

— Документы есть? — Мужчина присел на корточки. Глаза — внимательные, настороженные. Рука — на кобуре.

Алексей машинально потянулся к карману куртки. Джинсовой куртки. Новенькой, купленной месяц назад в торговом центре. Пальцы нащупали пластиковый прямоугольник — паспорт. Он вытащил его и протянул мужчине.

Тот взял. Открыл. И замер.

— Это что? — спросил он тихо.

— Паспорт, — ответил Алексей, понимая, что говорит глупость.

Мужчина поднял на него глаза. В них не было злобы — только холодная, сосредоточенная оценка.

— Паспорт, — повторил он. — Гражданина Российской Федерации. Выдан в две тысячи девятнадцатом году. — Он произнёс это медленно, будто пробуя слова на вкус. — Ты кто такой?

И тогда Алексей понял.

Не «кто ты», а «что ты». Вопрос был не о личности. Вопрос был о природе.

Он огляделся. По дороге — разбитой, изрытой воронками — тянулась колонна. Люди в шинелях, повозки, машины с брезентовыми тентами. Где-то вдалеке — низкий гул артиллерии. Над горизонтом — чёрные столбы дыма. И запах. Тот самый запах, который он знал только по фильмам: гарь, порох, разлагающаяся плоть.

— Я… — начал Алексей. И замолчал.

Что он мог сказать? Что он из будущего? Что пришёл сюда через странный артефакт? Что знает, что через несколько дней немцы возьмут Калинин, что под Вязьмой уже замкнулось кольцо окружения, что до Москвы — триста километров и несколько недель отчаянной обороны?

— Контуженый, — решил мужчина. — Ладно. Поднимешься — поговорим. Сержант Громов.

Он сунул паспорт в карман и кивнул на повозку:

— Залезай. Если можешь идти — иди. Если нет — ждём.

Алексей попытался встать. Ноги слушались плохо, но держали. Он поднялся, пошатываясь, и посмотрел на сержанта.

— Товарищ сержант… — слово «товарищ» вырвалось само собой, будто он всегда его знал. — Какое сегодня число?

Громов прищурился.

— Двенадцатое октября. Сорок первый.

Алексей закрыл глаза.

Двенадцатое октября сорок первого года. Через два дня немцы войдут в Калинин. Через три — падёт Вязьма, и в котле окажутся четыре армии. Через месяц — танки Гудериана подойдут к Москве на расстояние пушечного выстрела.

А он стоит здесь. В грязи. В джинсах и кроссовках. С паспортом, который не существует.

— Ты чего? — спросил Громов. — Побелел весь.

— Всё нормально, — соврал Алексей. — Просто… голова кружится.

— Сейчас всё кружится, — хмуро сказал сержант. — Война, брат. Тут у всех голова кругом идёт.

Он помог Алексею забраться на повозку. Рядом сидели ещё трое — раненые, перевязанные, молчаливые. Один — без руки. Другой — с окровавленным бинтом на голове. Третий просто смотрел в пустоту.

Алексей сел. Повозка тронулась. Колёса заскрипели по разбитой дороге.

Он смотрел на небо — серое, низкое, давящее. На перелески вдалеке. На колонну людей, идущих на восток. Они отступали. Красная армия отступала, и он знал, что это только начало. Значит, он знал.

— Куда едем? — спросил он у Громова.

— В тыл, — коротко ответил сержант. — Формировать резерв. Немец прёт, как танк. — Он помолчал. — Ты откуда сам-то?

Алексей подумал.

— Из Твери, — сказал он. Тверь. Калинин. Он знал этот город — точнее, знал его будущее. Значит, можно соврать. — Точнее, из-под Твери. Деревня…

— Сгорела? — перебил Громов.

— Да, — тихо сказал Алексей. — Сгорела.

Сержант кивнул. Он не стал расспрашивать дальше. Война не любит лишних вопросов. Война любит молчание.

Они ехали несколько часов. Дорога была забита — войска, беженцы, машины, повозки. Иногда навстречу проносились полуторки с ранеными. Иногда — броневики. Один раз над головой прошли три «юнкерса» — низко, с воем, и все бросились врассыпную. Но бомбы не упали. Немцы экономили снаряды для более важных целей.

Алексей смотрел на всё это — и не мог поверить.

Он историк. Он писал диссертацию о Московской битве. Он знал цифры: миллион убитых, сотни тысяч пленных, тысячи сожжённых деревень. Но цифры — это одно. А это — другое. Это была реальность: грязная, холодная, воняющая смертью.

Он знал, что будет дальше. Знал, что через два дня падёт Калинин, что немцы создадут плацдарм на Волге, что бои будут идти за каждый дом, за каждую улицу. Знал, что 14 октября — завтра или послезавтра, он потерял счёт времени — начнётся эвакуация Москвы. Знал, что 15 октября немцы возьмут Торжок.

А главное — он знал, где будет нанесён главный удар. Знал, что немцы пойдут через Волоколамск на Клин и Солнечногорск. Знал, что танки Гота прорвутся через северный фас обороны и выйдут к каналу имени Москвы. Знал, что до столицы останется сорок километров.

Он знал. Но кто ему поверит?

«Молодой человек в странной одежде, без документов, говорит, что знает будущее». В лучшем случае — психушка. В худшем — трибунал. СМЕРШ не спрашивал, откуда ты знаешь. СМЕРШ спрашивал, почему ты знаешь.

Алексей сжал кулаки. В кармане куртки остался ещё один предмет — тот самый цилиндр. Он нащупал его. Металл был холодным, но живым — будто пульсировал. Он не исчез. Он остался с ним.

«Значит, это не сон, — подумал Алексей. — Значит, всё реально».

— Эй, студент, — окликнул его Громов. — Ты чего задумался? Жить будешь?

Алексей поднял голову.

— Буду, — сказал он. — Только не знаю, как.

— Все не знают, — усмехнулся сержант. — А живут. Война, брат. Она научит.

Повозка свернула на просёлок. Вдалеке показалась деревня — несколько изб, колодец, дым из труб. Над деревней висел красный флаг. Настоящий, выцветший, но красный.

«Родина, — подумал Алексей. — Или то, что от неё осталось».

Он не знал, что будет дальше. Не знал, как доказать, что он не враг. Не знал, как изменить ход истории — или хотя бы попытаться.

Но он знал одно: если он ничего не сделает, всё будет так, как было. Миллионы погибших. Москва на краю гибели. И он — здесь, с знаниями, которые могут всё изменить.

Или убить его.

Повозка остановилась у крайней избы. Громов спрыгнул, помог сойти раненым.

— Приехали, — сказал он. — Здесь штаб. Точнее, то, что от него осталось. — Он посмотрел на Алексея. — Пойдёшь со мной. Комиссар захочет поговорить.

Алексей кивнул.

Он сделал шаг — и грязь чавкнула под кроссовками. Кроссовками, которых здесь не могло быть. Он посмотрел на них. Потом на шинели, на пилотки, на винтовки, на красный флаг.

— Пошли, — сказал он.

И шагнул в сорок первый год.

Изба была низкой, курной, с земляным полом. Внутри — стол, лавки, керосиновая лампа. На стене — карта. На карте — красные и синие линии. Синие наступали.

За столом сидел человек в форме НКВД. Молодой, лет тридцати, с острым, внимательным взглядом. Перед ним — паспорт Алексея. Тот самый, пластиковый, с гербом Российской Федерации.

— Значит, говоришь, из будущего, — сказал он без вопросительной интонации.

Алексей молчал.

— Документ странный, — продолжил чекист. — Бумага не наша. Печать не наша. Фотография — цветная. И написано: «Российская Федерация». Такого государства нет и быть не может. — Он поднял глаза. — Значит, либо ты шпион, либо сумасшедший. Либо…

Он замолчал.

— Либо? — тихо спросил Алексей.

— Либо ты говоришь правду, — сказал чекист. — И тогда ты — самое опасное, что я видел за всю войну.

Он встал, подошёл к окну, посмотрел на улицу. Там сновали люди, слышались команды, ржание лошадей. Где-то далеко ухнул снаряд.

— Немцы взяли Ржев, — сказал чекист, не оборачиваясь. — Через день-два возьмут Калинин. Наши отступают. Мы не знаем, где они ударят дальше. А ты, говоришь, знаешь.

— Знаю, — сказал Алексей.

— Докажи.

Алексей подошёл к карте. Пальцы дрожали — но он заставил их слушаться. Он провёл линию от Калинина на юго-восток.

— Здесь, — сказал он. — Через неделю немцы нанесут удар на Торжок. Потом — на Вышний Волочёк. Но главный удар будет здесь. — Он ткнул пальцем в район Волоколамска. — Танковая группа Гота. Они пойдут через Клин и Солнечногорск. К каналу имени Москвы. Если их не остановить — они будут в пригородах Москвы к концу ноября.

Чекист молчал долго. Потом повернулся.

— Ты понимаешь, что я могу тебя расстрелять прямо сейчас? — спросил он.

— Понимаю.

— И ты всё равно говоришь?

— Говорю.

— Почему?

Алексей посмотрел на него. На человека, который через сорок лет будет работать в другом мире, с другими документами, но с теми же глазами. На человека, который, возможно, уже потерял всё — и всё ещё сражается.

— Потому что, если я промолчу, — сказал Алексей, — погибнут сотни тысяч. Может быть, миллионы. Я не могу этого изменить. Но я могу попытаться.

Чекист усмехнулся. Горько, без радости.

— Сотни тысяч, — повторил он. — Миллионы. Ты оперируешь цифрами, как будто они что-то значат.

— Они значат, — сказал Алексей. — Просто мы не всегда это видим.

За окном снова ухнуло. Ближе. Громче.

Чекист подошёл к столу, взял паспорт, посмотрел на него ещё раз. Потом — на Алексея.

— Ладно, — сказал он. — Пока поживёшь здесь. Под присмотром. Если ты врёшь — расстреляю. Если говоришь правду… — Он помолчал. — Тогда, может быть, ты нам пригодишься.

Он протянул руку.

— Старший лейтенант госбезопасности Воронов.

Алексей пожал её. Рука была холодной и твёрдой.

— Алексей, — сказал он. — Алексей Смирнов.

— Что ж, Алексей Смирнов из будущего, — сказал Воронов. — Добро пожаловать в сорок первый год. Здесь не любят тех, кто знает слишком много.

Он вышел. Дверь хлопнула.

Алексей остался один. В комнате, где пахло керосином и пылью. За окном шла война. Где-то далеко — немцы. Близко — люди, которые не верили ему. А в кармане — цилиндр, который привёл его сюда.

Он сел на лавку и закрыл глаза.

«Что я наделал? — подумал он. — Что я могу сделать?»

Ответа не было.

Но был план. Он знал даты. Знал направления. Знал, где немцы будут через день, через неделю, через месяц. Знал, где они проиграют — если их заставить.

Он открыл глаза.

За окном темнело. Наступала ночь — первая ночь в сорок первом году. Ночь перед битвой за Москву.

И где-то в темноте, за линией фронта, немецкие генералы уже отдавали приказы. Они тоже знали, что будет. Они были уверены в победе.

Они не знали, что в игре появился новый игрок.

Алексей встал. Подошёл к карте. Провёл пальцем по линии фронта. От Калинина до Волоколамска. От Волоколамска до Москвы.

— Я не позволю, — сказал он тихо. — Слышите? Не позволю.

Слова упали в пустоту.

Но где-то — в глубине земли, в глубине времени — что-то дрогнуло. Будто огромный маятник качнулся в сторону.

История начинала меняться.

Или начинала сопротивляться.

Глава 2. Чужой среди своих

Утро началось с выстрела.

Алексей проснулся мгновенно — тело среагировало раньше, чем разум. Он лежал на лавке, укрытый шинелью, которую кто-то бросил ему ночью. Спина затекла, в горле пересохло, а в окне — серый рассвет и далёкий гул, будто где-то за лесом били в огромный барабан.

Выстрел повторился. Ближе. Потом ещё один.

Алексей вскочил. Подбежал к окну. На улице — люди. Бегут. Один — с винтовкой, другой — с ящиком, третий — просто бежит, не разбирая дороги. Над деревней — дым. Не от печей. Другой.

— Воздух! — закричал кто-то. — «Юнкерсы»!

Алексей бросился к двери. Выскочил на крыльцо — и замер.

Небо было чёрным. Три самолёта — низко, с воем, с крестами на крыльях — пронеслись над деревней. Один сбросил бомбу. Она упала за околицей, взметнув фонтан земли и щепок. Взрывная волна ударила в грудь, сбила с ног.

Алексей упал в грязь. В рот набилась земля, перемешанная с чем-то горьким — пороховой гарью. Он попытался подняться. Рядом кто-то кричал. Кто-то стонал. Кто-то бежал, не оглядываясь.

Потом всё стихло.

Самолёты ушли. Дым медленно поднимался к небу. Алексей поднялся на четвереньки, потом — на ноги. Огляделся.

Деревня ещё стояла. Но за околицей — там, где упала бомба — горело. И кто-то лежал. Неподвижно.

Он подошёл. Ближе. Ещё ближе.

Мальчик. Лет двенадцати. В рваной рубахе, босой. Лежал лицом вверх, глаза открыты, а на груди — красное пятно, расползающееся по белой ткани.

Алексей замер.

Он видел смерть в кино. Читал о ней в книгах. Знал цифры. Но это… Это было другое. Это было настоящее. Мальчик, который минуту назад, может быть, бежал, смеялся, звал мать. А теперь — лежал. И не дышал.

— Не стой! — крикнул кто-то. — Уходи!

Алексей обернулся. Сержант Громов — тот самый, вчерашний — бежал к нему, размахивая руками.

— Уходи, тебе говорят! Сейчас ещё зайдут!

Алексей позволил увести себя. Ноги двигались сами. Голова — не работала. Внутри — пустота. И только одна мысль, тонкая, как игла: «Я знал. Я знал, что будет война. Но я не знал, что это так».

Через час их колонна — то, что от неё осталось — двинулась дальше. На восток. К Москве. Точнее, к тому, что от неё отделяло: триста километров грязи, крови и отступления.

Алексей шёл пешком. Повозку разбомбило. Лошадь убило. Раненые — кто мог — шли сами. Кто не мог — остался в деревне. Вместе с мальчиком.

Он не спрашивал, что с ними будет. Он знал.

— Держись рядом, — сказал Громов. — Тут бродят не только немцы. Окруженцы. Дезертиры. Всякие.

— Понял, — ответил Алексей.

Он смотрел на дорогу. На людей. На разбитые машины, сгоревшие танки, трупы лошадей. На всё, что осталось от Красной армии, отступающей к Москве.

И думал

Он знал, что в Москве — паника. Что 15 октября — через три дня — будет принято решение об эвакуации. Что 16 октября — «чёрный день» — город охватит хаос. Что Сталин останется. Что будет приказ «Ни шагу назад». Что будет оборона. Что будет чудо.

Но чтобы это чудо случилось, нужно было сделать невозможное. Остановить немцев. Собрать силы. Удержать рубежи.

А он — один. Без документов. Без оружия. С паспортом из будущего и знанием, которое могло его убить.

«Надо попасть в штаб, — думал он. — Надо найти кого-то, кто поверит. Но кто поверит сумасшедшему?»

Ответ пришёл неожиданно.

К вечеру они добрались до какой-то станции. Маленькой, разбитой, с одним уцелевшим путём. На путях стоял эшелон — товарные вагоны, платформы, цистерны. Возле него — толпа. Военные, гражданские, беженцы. Все — на восток.

Но их не пустили.

— Стоять! — рявкнул человек в форме НКВД. Молодой, высокий, с планшетом на боку. — Документы!

Алексей похолодел.

Он стоял в очереди — третьим или четвёртым от края. Громов был впереди. Он протянул документы. НКВДэшник посмотрел, кивнул, махнул рукой — проходи.

Потом — следующий. Женщина с ребёнком. Плакала. Её пропустили.

Потом — Алексей.

— Документы, — сказал НКВДэшник.

Алексей молчал. Он знал, что будет. Знал, что паспорт — у Воронова. Того самого старшего лейтенанта, который вчера его допрашивал. А без паспорта он — никто. Шпион. Диверсант. Враг.

— Оглох? — НКВДэшник шагнул ближе. — Документы!

— У него нет документов, — вмешался Громов. — Контуженый. Из-под Твери. Деревня сгорела. Все бумаги — там.

НКВДэшник посмотрел на Громова. Потом — на Алексея. Потом — снова на Громова.

— Ты кто? — спросил он.

— Сержант Громов. 256-й стрелковый полк. Отходим с боями.

— С боями, — усмехнулся НКВДэшник. — Все вы с боями. А потом оказывается — сдались в плен, а теперь обратно.

Он махнул рукой. Из-за вагона вышли двое с винтовками.

— Задержать. До выяснения.

— Товарищ лейтенант… — начал Громов.

— Молчать! — рявкнул НКВДэшник. — Ещё слово — пойдёшь с ним.

Громов замолчал. Посмотрел на Алексея. В глазах — вина. И бессилие.

Алексея схватили за руки. Повели. Он не сопротивлялся. Знал: бесполезно.

Его вели мимо эшелона. Мимо людей. Мимо войны. К маленькому домику у станции. К штабу. К допросу.

Комната была маленькой. Стол. Два стула. Лампа. На стене — портрет Сталина. На столе — папка. В папке — бумаги. Много бумаг.

За столом сидел лейтенант. Молодой, лет двадцати пяти. Русые волосы, серые глаза, тонкие губы. Форма — новенькая, будто только со склада. На петлицах — две «шпалы». НКВД.

— Садись, — сказал он.

Алексей сел.

Лейтенант открыл папку. Посмотрел в неё. Потом — на Алексея. Потом — снова в папку.

— Значит, Смирнов Алексей Николаевич, — сказал он. — Год рождения — тысяча девятьсот девяносто восьмой. Место рождения — город Тверь. — Он поднял глаза. — Тверь — это Калинин, если я не ошибаюсь.

— Ошибаетесь, — сказал Алексей. — Калинин — это Тверь. Но в будущем.

— В будущем, — повторил лейтенант. — Значит, ты утверждаешь, что ты из будущего.

— Утверждаю.

— И у тебя есть доказательства?

— Паспорт. У старшего лейтенанта Воронова.

— Воронов — это который? — Лейтенант нахмурился. — Не знаю такого.

Алексей похолодел.

— Старший лейтенант госбезопасности Воронов. Вчера. В деревне. Он допрашивал меня. Забрал паспорт.

Лейтенант покачал головой.

— В деревне, говоришь. В какой?

Алексей назвал. Лейтенант записал. Потом посмотрел на него.

— Знаешь, что я думаю? — спросил он. — Я думаю, что ты — либо сумасшедший, либо немецкий шпион. И то и другое — плохо. Но шпион — хуже. Потому что шпион — это расстрел. А сумасшедший — это психушка. Но до психушки тебя не доведут. Война.

Он встал. Подошёл к окну. Посмотрел на улицу. Там — эшелон, люди, дым.

— Немцы под Москвой, — сказал он тихо. — Через день-два будут в Калинине. Через неделю — в Торжке. Мы не знаем, что будет дальше. А ты говоришь, что знаешь. — Он повернулся. — Как ты это объяснишь?

Алексей молчал.

Он мог сказать правду. Мог рассказать про цилиндр. Про институт. Про артефакт. Но кому это поможет? Лейтенант не поверит. Лейтенант — не Воронов. Воронов — тот хотя бы слушал. А этот — уже решил.

— Молчишь, — сказал лейтенант. — Правильно. Молчание — золото. Но не здесь. Здесь молчание — признание.

Он вернулся к столу. Сел. Взял ручку.

— Итак. Фамилия, имя, отчество. Год рождения. Место рождения. Настоящие.

— Я уже сказал.

— Настоящие! — рявкнул лейтенант. — Не выдуманные!

— Я не выдумывал.

— Ты понимаешь, что я могу тебя расстрелять? Прямо сейчас? Без суда. По законам военного времени.

— Понимаю.

— И ты не боишься?

Алексей посмотрел на него. На человека, который, возможно, через год погибнет. Или через месяц. Или завтра. На человека, который сейчас — враг. Но который — свой.

— Боюсь, — сказал Алексей. — Но не смерти. Боюсь, что не успею.

— Не успеешь? Что?

— Сказать. То, что знаю. То, что может спасти Москву.

Лейтенант замер. Ручка в его руке дрогнула.

— Ты… — начал он. — Ты серьёзно?

— Серьёзно.

— И что ты знаешь?

Алексей сделал вдох. Потом — выдох.

— Немцы нанесут главный удар через Волоколамск. Танковая группа Гота. Через Клин и Солнечногорск. К каналу имени Москвы. Если их не остановить — они будут в пригородах к концу ноября. — Он помолчал. — Но они не дойдут. Если мы удержим рубежи. Если соберём резервы. Если не сдадим Москву.

Лейтенант смотрел на него. Долго. Молча.

Потом — усмехнулся.

— Красиво говоришь, — сказал он. — Как по писаному. Только знаешь, что я думаю? Я думаю, что ты — либо очень умный шпион, либо очень больной человек. И в обоих случаях — тебе конец.

Он встал. Подошёл к двери. Открыл.

— Увести

Вошли двое. Схватили Алексея за руки.

— Подождите! — крикнул он. — Выслушайте! Я могу доказать!

— Чем? — обернулся лейтенант.

— Числами! Датами! — Алексей рвался из рук. — Четырнадцатого октября немцы возьмут Калинин. Пятнадцатого — Торжок. Вязьма уже в кольце. Через месяц — немцы будут в Химках. Я знаю, где они будут. Я знаю, куда они пойдут. Я знаю…

— Хватит! — рявкнул лейтенант. — Увести!

Алексея вытащили. Дверь захлопнулась.

Он оказался в коридоре. Тёмном, холодном. Его толкнули к стене. Один из конвоиров — молодой, с прыщавым лицом — посмотрел на него.

— Ты чего, правда, что ли, из будущего? — спросил он.

Алексей посмотрел на него.

— Правда, — сказал он.

Конвоир покачал головой.

— Дурак, — сказал он. — Тут все из будущего. Все знают, что будет. Только никто не говорит. Потому что, если скажешь — расстреляют. А ты — сказал.

Он отвернулся. Алексей остался стоять. У стены. В темноте.

Где-то рядом — за окном — гудел эшелон. Люди шли на восток. Война шла на запад. А он — стоял. И ждал.

Чего? Расстрела? Или чуда?

Он не знал.

Его вели по коридору. Куда-то. Долго. Потом — остановка. Дверь. Комната. Та же самая. Или другая. Не понять.

За столом — новый человек. Не лейтенант. Другой. Старше. В форме. С орденом на груди.

— Смирнов? — спросил он.

— Да.

— Садись.

Алексей сел.

Человек посмотрел на него. Внимательно. Долго. Потом — на папку. Открыл. Прочитал. Закрыл.

— Мне доложили, — сказал он. — Ты говоришь, что знаешь будущее.

— Говорю.

— И что ты знаешь?

Алексей молчал. Он устал. Он не хотел повторять. Не хотел объяснять.

— Знаю, что вы не верите, — сказал он. — Знаю, что вы думаете — шпион. Знаю, что меня расстреляют. Но я всё равно скажу.

Он поднял глаза.

— Через два дня падёт Калинин. Через три — Вязьма. Через месяц — немцы будут на подступах к Москве. Но они не войдут. Потому что мы их остановим. Здесь. — Он стукнул пальцем по столу. — И я знаю как.

Человек слушал. Не перебивал.

Алексей закончил. Откинулся на спинку стула. Закрыл глаза.

— Всё, — сказал он. — Больше нечего.

Человек молчал. Потом встал. Подошёл к двери. Открыл.

— Воронов! — крикнул он.

Из коридора вышел человек. Тот самый. Старший лейтенант. С паспортом в руке.

— Этот? — спросил он.

— Этот, — ответил человек. — Забирай. Пока не поздно.

Воронов посмотрел на Алексея. Потом — на человека за столом.

— А если врёт? — спросил он.

— Тогда расстреляешь, — сказал человек. — Но сначала — пусть докажет.

Он вышел. Воронов остался. Посмотрел на Алексея. Потом — на паспорт в своей руке.

— Что ж, — сказал он. — Ты получил свой шанс. Один. Не подведи.

Алексей встал. Ноги дрожали. Но он стоял.

— Я не подведу, — сказал он.

Воронов усмехнулся.

— Все так говорят, — сказал он. — А потом — умирают.

Он повернулся. Пошёл к двери. У порога обернулся.

— Пошли, — сказал он. — Время.

Алексей пошёл.

За окном темнело. Где-то далеко — на западе — грохотала артиллерия. Немцы наступали. Время шло.

Он знал, что будет. Знал, что сказать. Знал, что сделать.

Оставалось — выжить.

Глава 3. Свидетель обвинения

Воронов вёл его через станцию. Мимо эшелона. Мимо людей. Мимо часовых, которые козыряли старшему лейтенанту и провожали Алексея тяжёлыми, недоверчивыми взглядами.

— Куда мы? — спросил Алексей.

— В штаб, — коротко ответил Воронов. — 16-я армия. Точнее, то, что от неё осталось. Рокоссовский.

Алексей вздрогнул.

Рокоссовский. Константин Константинович. Один из тех, кто спасёт Москву. Человек, который соберёт разрозненные части, создаст из них оборону, остановит немцев на Волоколамском направлении. Легенда.

— Он… он там? — спросил Алексей.

— Там, — сказал Воронов. — Стоит насмерть под Волоколамском. Если ты прав, и немцы пойдут туда — он будет рад тебя выслушать.

— А если не прав?

Воронов не ответил.

Они шли долго. По разбитой дороге. Мимо сожжённых деревень. Мимо трупов лошадей, распухших и почерневших. Мимо людей — усталых, грязных, молчаливых.

Алексей смотрел на всё это и чувствовал, как внутри растёт тяжесть. Не страх. Что-то другое. Понимание.

Он знал, что будет. Знал, что немцы возьмут Калинин. Что падёт Вязьма. Что миллионы попадут в плен. Знал, что Москва — на краю. Но знать — это одно. А видеть — другое.

— Не отставай, — бросил Воронов.

Алексей ускорил шаг.

Штаб располагался в деревне. В обычной избе. На стене — карта. За столом — люди. Военные. Усталые. Злые. На Алексея посмотрели — и сразу забыли. Некогда.

Воронов подошёл к одному из них. Высокому, с орденом Красного Знамени. Что-то сказал. Тот посмотрел на Алексея. Кивнул.

— Жди здесь, — сказал Воронов. — Я доложу.

Он ушёл. Алексей остался стоять у двери. Смотрел на карту. На красные и синие линии. Синие — наступали. Красные — отступали.

Он знал эту карту. Видел её в архивах. Знал, что через день-два синие линии сомкнутся вокруг Калинина. Что через неделю — вокруг Вязьмы. Что через месяц — подойдут к Москве.

И знал, где их можно остановить.

«Волоколамск, — думал он. — Главный удар — через Волоколамск. Танковая группа Гота. 3-я и 4-я танковые группы. Они пойдут на Клин и Солнечногорск. Если их остановить здесь — они не дойдут до канала. Если не остановить — Москва под угрозой».

Он сжал кулаки. Ждал.

Воронов вернулся через час. Не один. С ним — человек в форме. Немолодой. С усталыми глазами. Смотрел на Алексея долго.

— Это он? — спросил человек.

— Он, — ответил Воронов. — Говорит, знает будущее.

Человек усмехнулся. Горько.

— Все сейчас знают будущее, — сказал он. — Будущее — это немцы в Москве. Если мы их не остановим.

— Я знаю, как их остановить, — сказал Алексей.

Человек посмотрел на него. Внимательно.

— Как?

— Волоколамск. Главный удар будет там. Танковая группа Гота. Через Клин и Солнечногорск. К каналу имени Москвы. — Алексей говорил быстро, боясь, что его перебьют. — Если вы укрепите этот участок, если поставите противотанковую артиллерию, если создадите подвижные группы — они не пройдут. Они увязнут. И тогда…

— И тогда что? — перебил человек.

— И тогда мы выиграем время. Для резервов. Для контрнаступления.

Человек молчал. Долго. Потом посмотрел на Воронова.

— Это всё? — спросил он.

— Всё, — сказал Воронов.

Человек вздохнул.

— Красиво, — сказал он. — Только знаешь, что я думаю? Я думаю, что ты — либо провокатор, либо сумасшедший. Немцы пойдут не через Волоколамск. Они пойдут через Можайск.

Через Наро-Фоминск. Через Малоярославец. Это классика. Это то, что они делали всегда. А ты говоришь — Волоколамск.

— Я знаю, что говорю, — сказал Алексей.

— Знаешь? — Человек шагнул ближе. — Откуда? Откуда ты знаешь? Ты был там? Ты видел их приказы? Ты — немецкий шпион?

— Я — из будущего.

Человек замер. Потом — рассмеялся. Громко. Зло.

— Из будущего! — повторил он. — Слышал, Воронов? Из будущего! А почему не с того света? Почему не из рая? Почему не от Бога?

Он перестал смеяться. Посмотрел на Алексея.

— Знаешь, что я думаю? — сказал он тихо. — Я думаю, что ты — паникёр. Или хуже. Провокатор. Который хочет посеять панику. Заставить нас перебросить силы туда, где их не нужно. Ослабить оборону. И тогда немцы пойдут там, где мы их не ждём.

— Это не так! — крикнул Алексей.

— Молчать! — рявкнул человек. — Ты будешь говорить, когда тебя спросят!

Он повернулся к Воронову.

— Забирай. И держи под стражей. Я доложу.

— Товарищ полковник… — начал Воронов.

— Молчать! — Полковник посмотрел на него. — Ты тоже хорош. Притащил сюда неизвестно кого. Без документов. Без проверки. Ещё раз — пойдёшь под трибунал.

Воронов замолчал. Посмотрел на Алексея. В глазах — вина. И бессилие.

Алексей стоял. Смотрел на полковника. На человека, который не верил. На человека, который через месяц будет проклинать себя. Или не будет. Если выживет.

— Я говорю правду, — сказал он тихо. — Вы поймёте. Потом. Когда будет поздно.

Полковник не ответил. Отвернулся.

Алексея увели.

Его посадили в подвал. Тёмный, холодный. С соломой на полу. С ведром в углу. С решёткой на окне.

Он сидел на соломе. Смотрел в стену. Думал.

«Первый провал, — думал он. — Я знал, что так будет. Знал, что не поверят. Но всё равно попытался. И что теперь?»

Ответ был прост. Теперь — расстрел. Или трибунал. Или что-то ещё. Война не любит тех, кто знает слишком много.

Он закрыл глаза. Попытался вспомнить. Дата. Место. Направление. Волоколамск. Гот. Клин. Солнечногорск. Канал. Москва.

«Если бы я мог доказать, — думал он. — Если бы я мог показать им что-то. Что-то конкретное. Что-то, что они смогут проверить. И тогда…»

Он открыл глаза. В подвале было темно. За окном — тихо. Где-то далеко — гул. Война шла. Без него.

Он вспомнил мальчика. Того самого. На дороге. С красным пятном на рубахе. И подумал: «Я не смог его спасти. Но, может быть, смогу спасти других. Если выживу».

Он лёг на солому. Закрыл глаза. И стал ждать.

Утром пришли.

Двое. С винтовками. Один — тот самый, с прыщавым лицом. Другой — молчаливый, с пустыми глазами.

— Вставай, — сказал прыщавый.

Алексей встал. Ноги затекли. Голова кружилась. Он не ел сутки. Или больше. Не помнил.

Его вывели. Из подвала. На улицу. Утро было серым. Холодным. Люди шли мимо. Не смотрели.

— Куда? — спросил Алексей.

— На трибунал, — сказал прыщавый. — Точнее, на суд. Военный трибунал. По законам военного времени.

Алексей кивнул. Он знал, что это значит. Расстрел. Или штрафбат. Что хуже — не понять.

Его вели через деревню. К дому. Большому. Кирпичному. Единственному уцелевшему. У входа — часовой. Внутри — люди. Военные. Много.

За столом — трое. Председатель. Судьи. Прокурор.

Алексей стоял. Смотрел. Ждал.

— Смирнов Алексей Николаевич, — начал председатель. — Вы обвиняетесь в паникёрстве, распространении ложных сведений, подрыве боевого духа Красной армии и подозрении в шпионаже в пользу противника. Признаёте себя виновным?

Алексей молчал. Потом сказал:

— Я говорю правду.

— Правду, — повторил председатель. — Какую правду?

— Немцы пойдут через Волоколамск. Через Клин и Солнечногорск. К каналу имени Москвы. Если вы не укрепите этот участок — они будут в Москве к концу ноября.

Председатель посмотрел на него. Долго. Потом — на прокурора. Тот кивнул.

— Свидетели, — сказал председатель. — Есть?

Вошёл человек. В форме. Немолодой. С усталыми глазами. Тот самый полковник. Который не поверил.

— Подтверждаю, — сказал он. — Гражданин Смирнов распространял панические сведения о якобы готовящемся наступлении немцев на Волоколамском направлении. Данные сведения не соответствуют действительности и подрывают боевой дух.

— Ложь! — крикнул Алексей. — Это не ложь! Это правда!

— Молчать! — рявкнул председатель. — Ещё слово — и я прикажу вывести вас.

Алексей замолчал. Смотрел на полковника. На человека, который убивал его. Своим неверием.

Полковник не смотрел на него. Смотрел в сторону.

— Свидетели защиты? — спросил председатель.

Тишина.

— Нет, — сказал председатель. — Суд удаляется на совещание.

Они вышли. Алексей остался стоять. Один. В комнате. С часовым. Смотрел в стену.

«Вот и всё, — думал он. — Первый провал. И последний. Я не смог. Не успел. Не доказал».

Он вспомнил цилиндр. Тот самый. В кармане куртки. Который привёл его сюда. Может быть, он мог бы… Но нет. Не сейчас. Не здесь.

Суд вернулся. Быстро. Слишком быстро. Председатель сел. Посмотрел на бумагу. Потом — на Алексея.

— Военный трибунал, — начал он, — рассмотрев дело гражданина Смирнова Алексея Николаевича, постановил: признать виновным в паникёрстве и распространении ложных сведений. Приговорить к высшей мере наказания — расстрелу.

Алексей закрыл глаза.

«Всё, — подумал он. — Конец».

— Приговор привести в исполнение немедленно, — сказал председатель.

Алексея взяли под руки. Повели. Он не сопротивлялся. Ноги двигались сами. Голова — пустая.

Его вывели на улицу. К стене. Поставили. Отошли. Винтовки — на изготовку.

Алексей смотрел на небо. Серое. Низкое. Холодное. Он видел такое небо в детстве. В Твери. Когда шёл снег.

«Вот и всё, — подумал он. — Не успел».

Он закрыл глаза.

И тогда — далеко. На западе. Там, где был фронт — ухнуло. Громко. Близко. Будто земля раскололась.

Все замерли. Посмотрели на запад. Там — над лесом — поднимался дым. Чёрный. Густой. И ещё — гул. Низкий. Постоянный. Артиллерия.

— Немцы! — крикнул кто-то. — Прорыв!

Командир конвоя посмотрел на Алексея. Потом — на запад. Потом — снова на Алексея.

— Отставить, — сказал он. — В укрытие!

Все бросились врассыпную. Алексей остался стоять. У стены. Один. Смотрел на запад. На дым. На то, что приближалось.

Он знал, что это. Немцы. Прорыв. Тот самый. На Волоколамском направлении. Который он предсказал. Который ему не поверили.

«Я же говорил, — подумал он. — Я же говорил».

Он оттолкнулся от стены. Пошёл. Куда? Не знал. Просто пошёл. В сторону штаба. Туда, где были люди. Где была война.

Он должен был сказать им. Ещё раз. Пока не поздно.

Глава 4. Отсрочка

Первое, что Алексей почувствовал — не страх. Злость.

Гул нарастал. С запада, от леса, шла волна звука — тяжёлая, низкая, будто кто-то тащил по небу огромный лист железа. Земля под ногами дрожала. В окнах домов лопались стёкла. Где-то за деревней, у самого горизонта, вставали чёрные столбы дыма — один, второй, третий.

Артиллерия. Немецкая. Близко.

Алексей стоял у стены, к которой его минуту назад поставили расстреливать. Руки свободны — конвой разбежался. Винтовки валялись в грязи. Никто не смотрел на него. Никому не было дела до приговорённого.

Всем было дело до немцев.

— В укрытие! — орал кто-то. — В укрытие, мать вашу!

Люди метались по улице. Кто-то бежал к лесу. Кто-то — к штабу. Кто-то просто стоял и смотрел на запад, будто ждал, что оттуда сейчас выйдет что-то, чего нельзя остановить.

Алексей сделал шаг. Потом второй. Потом побежал.

Не от немцев. К штабу.

Он знал: там карта. Там люди. Там полковник, который его приговорил. И теперь — когда первый снаряд уже разорвался за околицей — этот полковник, может быть, вспомнит, что ему говорили. Может быть, поймёт.

Может быть. Но, скорее всего, нет.

Он вбежал в дом, где шёл трибунал. Дверь была распахнута. Внутри — хаос. Бумаги на полу. Перевёрнутый стул. Портрет Сталина висел косо, будто кто-то задел его в спешке. За столом — никого.

Алексей подошёл к карте. Нашёл Волоколамск. Нашёл Клин. Солнечногорск. Канал.

Взял карандаш — красный, валялся на полу — и провёл линию. От Волоколамска на восток. К Клину. От Клина — на Солнечногорск. От Солнечногорска — к каналу.

— Вот здесь, — сказал он вслух. — Они пойдут здесь.

— Ты что здесь делаешь?

Алексей обернулся.

В дверях стоял Воронов. В шинели, наброшенной на плечи. С пистолетом в руке. Смотрел на Алексея — и на карту. На красную линию. На то, что он нарисовал.

— Ты… — начал Воронов.

— Слушайте, — перебил Алексей. — Сейчас. Немцы прорвались здесь. — Он ткнул в карту, западнее деревни. — Это передовой отряд. Разведка боем. Основные силы пойдут через сутки. Через Волоколамск. Я знаю.

Воронов молчал. Смотрел на него. Долго.

Потом — опустил пистолет.

— Ты понимаешь, что тебя должны были расстрелять? — спросил он.

— Понимаю.

— И ты вернулся.

— Вернулся.

— Зачем?

Алексей посмотрел на него. На человека, который вчера забрал его паспорт. Который сегодня, может быть, спас ему жизнь — или, наоборот, погубил.

— Потому что, если я не скажу — они дойдут до Москвы, — сказал Алексей. — Не через месяц. Через две недели. Если их не остановить здесь. — Он снова ткнул в карту. — Здесь. На этом рубеже.

За окном — новый взрыв. Ближе. Стёкла в рамах задрожали, но не вылетели. Где-то рядом закричал человек. Потом — тишина.

Воронов подошёл к карте. Посмотрел на линию. Потом — на Алексея.

— Допустим, — сказал он. — Допустим, ты не врёшь. Допустим, ты знаешь. Что ты предлагаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.